

Научная статья

УДК 81.42

DOI 10.17223/18137083/78/22

**Языковая личность суицидента:
лингводискурсивные маркеры амбивалентности
и демонстративности**

**Татьяна Федоровна Волкова¹
Ольга Вячеславовна Орлова²**

¹ Национальный исследовательский Томский политехнический университет
Томск, Россия

² Томский государственный педагогический университет
Томск, Россия

¹ tatyana_volkova@tpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1022-9963>

² o.orlova13@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0128-6891>

Аннотация

На основе анализа текстов разных жанров, опубликованных на личной странице пользователя социальной сети ВКонтакте, выявлены и описаны лингводискурсивные признаки амбивалентности и демонстративности – ярких характеристик языковой личности суицидента. Эти признаки определены на уровне интенциональной организации дискурса, а также специфики набора и конфигурации изобразительно-выразительных средств. Деструктивный и дисгармоничный внутренний мир суицидента, сложный комплекс противоречивых эмоций и чувств, оценок и смысложизненных ориентиров выражаются в дискурсивном сопряжении контрадикторных когнитивных и коммуникативных установок автора, использовании лексики и идиоматики социальной деградации, обилии семантических и стилистических контрастов, афористичности и каламбуристичности манеры письма, языковых экспериментах и играх.

Ключевые слова

языковая личность, дискурс, суицидент, амбивалентность, демонстративность

Для цитирования

Волкова Т. Ф., Орлова О. В. Языковая личность суицидента: лингводискурсивные маркеры амбивалентности и демонстративности // Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 314–324. DOI 10.17223/18137083/78/22

© Волкова Т. Ф., Орлова О. В., 2022

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 314–324

Siberian Journal of Philology, 2022, no. 1, pp. 314–324

Language personality of suicident: linguodiscursive markers of ambivalence and demonstrability

Tatyana F. Volkova¹, Olga V. Orlova²

¹ Tomsk Polytechnic University
Tomsk, Russian Federation

² Tomsk State Pedagogical University
Tomsk, Russian Federation

¹ tatyana_volkova@tpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1022-9963>

² o.orlova13@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0128-6891>

Abstract

The analysis of the texts of different genres, published on the personal page of the user of the social network Vkontakte, with 48 posts and extended dialogues considered, allowed identifying and describing the linguodiscursive signs of ambivalence and demonstrability as the dominant manifestations of the language personality of the suicidal person. These signs were determined at the level of intentional organization of discourse and specificity of the composition and configuration of figurative-expressive means. The comprehensive analysis methodology involved compiling a fragmentary speech portrait of language personality and linguodiscursive, including intensional, stylistic, and contextual analyses.

Intentional analysis revealed a complex set of contradictory emotions and feelings, assessments and attitudes. The linguistic personality under study can be characterized by a developed imagination, non-standard and paradoxical semantic articulations and comparisons, combined with uncommon linguistic and creative abilities. Figurative means (metaphor and comparison, hyperbole, rhyme, and rhythmization in the prose text, oxymoron, playing around with antonyms and polysemes) most fully reflect the inner world of the person: an emotional state of confusion, upheaval, desolation, total despair, rejection of oneself, others, and the world, feeling of tragedy, and meaninglessness of existence. The linguodiscursive level reveals the juxtaposition of cognitive and communicative contradictory intentions, vocabulary and idiomatics of social degradation, the abundance of semantic and stylistic contrasts, aphoristic and puns writing style, language experiments, and games.

Keywords

language personality, discourse, suicide, ambivalence, demonstrability

For citation

Volkova T. F., Orlova O. V. Language personality of suicident: linguodiscursive markers of ambivalence and demonstrability. *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 1, pp. 314–324. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/78/22

«Антропоцентрическая ориентация современной лингвистики определяет ее пристальное внимание к языковой личности. При этом интерес представляют как усредненные характеристики носителя языка, так и речевое своеобразие отдельной личности» [Черняк, 2003, с. 497]. Эти слова, прозвучавшие в работе В. Д. Черняк 2003 г., отнюдь не утратили актуальности сегодня, когда русистика располагает внушительным корпусом подробных и глубоких описаний большого разнообразия языковых личностей и лингвокультурных типажей [Башкова, 2018; Иванцова, 2002].

Однако языковые личности и лингвокультурные типажы, явно нарушающие институционально предписываемый аксионормативный порядок, – маргиналы, делинквенты, девианты, суициденты и т. д. – до сих пор по большому счету остаются за скобками лингвоперсонологической проблематики. Немногочисленность

имеющихся исследований (см., например: [Черняк, 1994; Меркулова, 2006; Бардникова, Толькова, 2017]) очевидно контрастирует с резко и стабильно возрастающей общественно-культурной значимостью феноменов, трактуемых как проявления социального зла.

По-видимому, стигматизация и табуизация, свойственная советской и постсоветской традиции, демонстративно позиционирующей суицид «как антисоветский и антисоциальный акт, акт социального эскапизма» [Малышева, 2020, с. 128], распространилась и в сферу научной рефлексии. Так, приступая к осмыслению заявленной темы, и в процессе исследования авторы ощущали сильный психологический дискомфорт и моральную подавленность.

В то же время прогрессирующий рост самоубийств, интерпретируемый как болезнь цивилизации и острейшая социальная проблема, стал общим местом и в научном социологическом и психологическом нарративе, и в серьезной социальной публицистике и аналитике. Абстрагируясь от устаревших спекуляций и стереотипов, лингвистическая оптика может внести значимый вклад как в комплексное изучение суицидальной проблематики, как в профилактическую и превентивную деятельность в данной сфере, так и в крайне необходимый процесс дестигматизации и детабуизации суицида в общественном сознании, «повышения толерантности и эмпатии к суицидентам со стороны общества, <...> прочувственного признания и деликатности» [Давидовский, 2019].

Материалом исследования является корпус эго-документов – текстов, размещенных на персональной странице в социальной сети ВКонтакте, – мужчины, покончившего с собой в августе 2015 г. в возрасте 26 лет. Родился в 1989 г., окончил среднюю общеобразовательную школу, увлекался сочинением стихов и песен, играл на гитаре, нигде не работал, не имел специальности. Страдал истерическим расстройством личности. Имел специфическую манеру речи и своеобразное поведение, приведшее к трагическим последствиям в виде попытки суицида и последующей смерти.

По сравнению с трудами предшественников, рассматривающих преимущественно тексты предсмертных записок [Новикова, 2009; Литвинова, 2016], данное исследование значительно расширяет жанровую палитру изучаемых текстов, поскольку анализируются как отдельные записи (посты), так и развернутые сетевые диалоги автора с различными виртуальными собеседниками. Всего проанализировано 48 постов и диалогов, все тексты написаны в период с 21 сентября 2014 г. по 5 августа 2015 г.

В основу избранной в работе комплексной методики лег активно применяемый в лингвоперсонологии метод составления фрагментарного речевого портрета: лингводискурсивные маркеры амбивалентности и демонстративности как ключевые особенности суицидального поведения охарактеризованы в лингвоперсонологическом аспекте, т. е. на материале индивидуальной речи конкретного человека. Разнообразие и специфика изучаемого текстового континуума позволили дополнить методику различными приемами лингводискурсивного, включая интенциональный, лингвостилистического и контекстологического анализа.

По мнению специалистов, одним из ярких признаков склонности к суициду является неадекватное демонстративное самооправдание с завышенным неприятием окружающих, стремление бежать от реальности в мир фантазий [Котова, 2008, с. 26]. Кроме того, утверждается, что у молодых людей с суицидальным поведением одновременно присутствует амбивалентное желание не жить и при этом не умереть [Дмитриева и др., 2015, с. 129]. Так, личность нашего информанта

особенно характеризуют амбивалентность мировоззрения и демонстративность речевого поведения, проявляющиеся на разных уровнях языка, текста и дискурса. Демонстративность проявляется как «стремление получить внимание окружающих и похвалу» [Короленко, Дмитриева, 2010, с. 103–105], а амбивалентность – как двойственность, двусмысленность, противоречивость и в психологии означает «двойственное переживание, совместное присутствие двух противоположных, как будто несовместимых стремлений относительно одного объекта, например, симпатии и антипатии» [Головин, 1998, с. 17].

Признаки амбивалентности и демонстративности уже были частично описаны нами при проведении анализа лексикона рассматриваемого информанта [Волкова и др., 2019]. Зафиксированы как обсценизмы, скатологизмы, жаргонизмы, так и высокая книжная лексика, причем в рамках одного высказывания, большое количество эмоциональной лексики, с помощью которой выражаются чувства жалости к себе, страха и одновременно бравирования, отмечено как оскорбление, унижение адресата речи, так и демонстрация уважения, сочувствия.

На данном этапе исследования целью является обнаружение маркеров амбивалентности и демонстративности на уровнях интенциональной организации дискурса, а также специфики используемых автором изобразительно-выразительных средств.

Интенциональность мы понимаем вслед за Н. И. Клушиной [2008; 2012] как «способность текста отражать авторское коммуникативное намерение» [Клушина, 2012]. При этом мы солидаризируемся с идеей синкретизма когнитивной («направленность сознания человека на окружающую его действительность с целью познать») и коммуникативной («направленность сознания адресанта на достижение замысленной им цели, ради которой он вступает в коммуникацию») интенций при дискурсопорождении, их взаимообусловленности [Там же].

При анализе материала были выделены следующие нацеленные на выражение амбивалентности и демонстративности проявления авторской интенции, связанные по преимуществу с такими паттернами отклоняющегося поведения, как нарко- и алкоголепотребление, тунеядство, самоповреждение, чрезмерная эксцентричность, агрессивность, склонность к насилию и т. д. (здесь и далее в диалогах суицидент обозначен буквой «А», другие собеседники имеют обозначение «Д»; примеры приводятся в исходном виде с сохранением орфографии и пунктуации источника).

1. Амбивалентная характеристика собственного поведения, образа жизни: *Д.: возможно ты не камикадзе, а каскадер? А.: долбо*** (неценз. 'глупый человек') *ы; ну это норм; мне вот 26 а я рас****** (неценз. 'беспутный, необязательный человек') *злостный; Ай-яй-яй, я рас*****; Записывай – я парень хороший.*

2. Амбивалентная самохарактеристика внешности, эксцентричность во внешнем виде, желание нравиться: *я нифига. бреюсь и моюсь раз в неделю, а стрижусь я не собираюсь долго; мне кстати идет небритым или нет?; да не, я ж панк, чумазым похожу.*

3. Агрессивное поведение и его реабилитирующее обоснование: *а че там вчера <...> было? я запомнил что меня держали все, мол не подходи ко мне я обиделась, меня держали а он бравировал.*

4. Бравлада самоповреждениями, театральность, позерство: *был на диких, поджег себя, спел песни свои, обоссал чувакам картошку в костре перед отъездом меня рефтамидом обрызгали а я взял и поджою. Д.: у тебя явно что то с чувст-*

вом собственного сохранения)))) как ты дожил вообще до сегодня?)))) А.: Да, нет его).

5. Восхищение, гордость своим творчеством и стремление получить обязательные комментарии, зависимость от чужого мнения, преувеличение собственной значимости: *я, кстати много песен написал новых; не, меня вдохновляют лишения и голод); можно хотя бы пару слов о моем творчестве? я умею словами говорить.*

6. Апология пьянства и его оправдание вплоть до бахвальства, бравада: *а я чет кааак загулял, ух, ужас; а че мне еще делать, я уже месяц ни дня без пьянки, а то и полтора; легкомысленное и поверхностное восприятие алкоголя и наркотиков, резкая переменчивость отношения к ним: да я то че, то там клюну, то там. То пиво то еще че нить. На чем то долго висеть не интересно; да, я понял уже насчет допинга, фигня все это, дэмо версия, потом подсаживаешься; Д.: а гепатита С у тебя нет после марафона белым?)))) обычно он у всех есть, кто ширялся) <...> А.: нет, чистый как лист; они меня заколебали эти вещества).*

7. Характеристики измененных состояний сознания, например особого состояния психики, обусловленного приемом наркотиков, и восхищение таким состоянием: *Д.: фиг-то там, ты постоянно под наркозом.) А.: фиг то там) надо еще; да, надо практиковаться) у меня вот такое было, я видел себя со стороны в тот момент когда видел себя изнутри, и причем звуки были странные; А.: я пережил такой а*** (неценз. 'некое необычное состояние'). Д.: добро пожаловать в реальный мир. А.: кажется ща что я сгорел. Д.: сгорел? А.: да все перевернулось вообще все что я о жизни думал. Д.: мда... понимаю. для личности это удар); Д.: смотрел / пробовал что-нибудь? Расскажи). А.: я <...> ощутил гравитацию, и вообще вокруг меня были люди, которые со мной говорили, но я был один.*

8. Пребывание в состоянии неприятия окружающих, в том числе семьи, и в то же время восхищение чужими любовными отношениями: *только в людях я не хочу ничего видеть, моя идея солипсизм, мира внутри меня хватит мне надолго; да вот ща у бати, не принимаю новую семью; я саше и киму /имена девушки и молодого человека/ прям радуюсь что вы такие клевые.*

9. Демонстрация заинтересованности в сексе и высокомерное, часто циничное отрицание его значимости в собственной жизни: *я с аленой насчет девочек расстрещался ('разговорился'), она мне типа подругу нашла; ну я и не графоман, и не п*****с (неценз. 'гомосексуалист'), просто асексуал мне секс не важен; а то вокруг думают что я гомосекс, че за фигня?; Д.: /девушка/ На недельке. Обязательно /встретимся/ А.: ахаха, прям как месячные закончатся чтоли.*

10. Отрицательное отношение к трудовой деятельности, поощрение праздного времяпровождения, жалобы на необходимость зарабатывать тяжелым трудом и в то же время хвастовство, бравада реальным или вымышленным престижным местом работы: *Д.: То есть пока безработный? А.: нафига работать когда можно слушать музыку за бабло; ну да, балду пинаю так, свадьбы, корпоративы. Лето же, отдыхать надо); да не, я летом кайфую так; хайфай, да норм дела, сублимирую, на мотике катаюсь); бомжую, кайфую) живу в гараже; а я тут на жаре стекловату катаю) тоже кашлять и чешусь, пот ручьем, все кругом, там без вариантов, кашлять и чесаться; А.: ну и я прилетаю где то в ноябре а улетаю через неделю. Д.: куда? А.: космодром «Восточный». Д.: нафига? А.: работу работать. Д.: крутой. А.: всегда). Д.: а то. А.: ну дык.*

Амбивалентность и демонстративность как аутентичные черты личности суицидента ярко проявляются в наборе и конфигурации используемых выразительных средств и фигур речи, включая прецедентные тексты.

Посты и сетевая переписка информанта изобилуют разнообразными изобразительно-выразительными средствами (так, среди тропов зафиксированы метафора и сравнение, гипербола, рифма и ритмизация в прозаическом тексте, оксюморон, каламбур и другие разновидности языковой игры), что свидетельствует о его незаурядной способности облекать собственные когнитивные и коммуникативные интенции в слово и определенной лингвокреативной одаренности. Другое дело, что попытки описать детали своеобразного деструктивного, дисгармоничного, исполненного отрицания и отчаяния внутреннего мира, болезненные чувства, эмоции и переживания на лингводискурсивном уровне выражаются в использовании лексики и идиоматики социальной деградации – и по тематической приуроченности, и по стилистической окраске.

Так, если говорить о метафоре и сравнении, то глагольные переносы отражают по преимуществу негативные процессы разрушения, агрессии, нарушения культурной нормы и последствий этого нарушения (*чет далеко зашел; сгорел; раздул; висеть; подсаживаешься; платить приходится; завязал с гадостями; раскатал бы как шлюху по бетону*).

Нередки анималистические образы – или с отрицательными коннотациями, описывающими неприглядные (животноподобные), с точки зрения автора, человеческие черты и качества (*А.: я енот. животные какие то, жЫвотные. Д.: Енот?) почему? А.: ну типа очкарик и тоже хитер немного*); *А.: ну раз спросил ответ, не молчи, карась пузыри пусти*), или используемые с целью профанации традиционной позитивной значимости образа, иронизирования над ним и над собой (*я тачку не так давно в хлам разбил и продал*) *жив, цел, орел*).

Большое количество метафор и особенно гипербола связано с описанием наркотического и алкогольного опьянения и отчаянной демонстративной бравады этим состоянием: *Готов всегда, упарываюсь до безобразия* (жаргонное слово *упарываться*, обозначающее сильную степень опьянения, сочетается с выражением *до безобразия* – т. е. чрезвычайно, до потери человеческого образа); *ну мы знакомы давно, тебя не удивит что я в говно* (метафора *в говно* также означает крайнюю степень опьянения); *я был пьяный в три дуги* (фразеологизм, обозначает избыточное количество чего-либо); *в моем спирту крови не обнаружено* (шутливый квазипрецедентный афоризм, пародирующий официальный текст медицинского заключения).

Развитое воображение, способность к нестандартным и порой парадоксальным смысловым сочленениям и сравнениям в сочетании с незаурядными лингвокреативными способностями объясняют появление в текстах авторских оригинальных и смысловое обновление узуальных метафор, нестандартных оксюморонных коллокаций: *бесплатный доступ* (свободное получение метафизической информации); *кал у меня на душе; Но звонок был* (предупреждение вышших сил о предстоящих трагических обстоятельствах); *это дико отлично; видать у меня толстое тонкое /эфирное тело/, раз еще не рухнуло*. При этом любопытно, что основания метафоризации отражают исключительно ассоциативное сопряжение явлений, прямое подобие как повод для тропеизации не отмечено.

Рифма и ритмизация как средства выразительности и языковой игры – яркие признаки демонстративности языковой личности, желания показать свой талант адресату. Рифмуются узуальные и жаргонно-просторечные лексические единицы,

часто это физиологизмы и скатологизмы: *расскажи покажи; пот ручьем, все кругом; ну мы знакомы давно, тебя не удивит что я в говно; дык скакать по газелям это вам не срать под елью /о девушке, которая каталась на крыше автомобиля/; лучше в речке лесть чем в анале клещь*. В последнем примере автор играет и с написанием слов, повторяя букву *щ*, ориентируясь на фонетическое звучание. Показателен фрагмент, в котором он передразнивает собеседника при помощи языковой игры, вызывая его таким способом на диалог: *Д.: я тоже так думаю. Зря. Зря. А.: кря. /На следующий день/ А.: Кря. Д.: мне на самом деле хреново очень)) кря кря ага*.

Отмечено коммуникативно и стилистически уместное использование антонимов (*полегчать должно от понимания проблемы непонимания*), многозначных слов (*Д.: аа ну я на смену вышел. щас думал немного поработать. А.: зачем? я вот не вышел. не вышел ни умом ни фантазией*), игра с внутренней формой слова и окказиональное словотворчество (*суперклей суперменам не помеха; улетаю до ноября работать на кошмардром (космодром)*). Всё это насыщает дискурс нестандартными авторскими выражениями и каламбурами, раскрывающими неоднозначную травмированную личность автора во всей ее сложной противоречивости: *но пауки все равно те еще твари, особенно пушистые которые. Птице**ы и тарантины*. Здесь арахнофобия информанта посредством языковой игры с заменой элемента в составе узуального *птицеед* на обценный, а также с культурными смыслами в фонетическом обыгрывании *тарантины* – *тарантулы* (фильмы культового режиссера-постмодерниста Квентина Тарантино известны эстетизацией насилия и одновременной абсолютизацией и десакрализацией трагического) предстает символом тотального зла.

В диалогах использовано значительное количество устойчивых выражений, включая прецедентные тексты. Они также являются важной составляющей дискурса, ярко выражают амбивалентное мировоззрение личности с доминирующими чертами демонстративности и отражают следующие семантические и прагматические установки: забота о здоровье в соседстве с мыслями о смерти и нахождением в состоянии опьянения (*я не враг своему здоровью; человек смертен, причем внезапно*); нежелание трудиться как все, предпочтение необычных условий работы (*поднимать космическую промышленность /в связи с гипотетической перспективой работы на космодроме «Восточный»/*); представление о себе как о красивом, умном, неординарном, но запустившем себя несчастном человеке (*Хасе /сетевое прозвище информанта/ вангует. мне на драку экстрасенсов надо; потому что не на помойке себя нашел, хоть и выгляжу стремно*); уход от ответственности за собственную жизнь, надежда на помощь близких, а также внешних сил и обстоятельств (*надо меня сначала отмыть и постричь, не давать бухать, а там глядишь все само срастется*); выражение бурных эмоций, самовосхваление и одновременно ёрничество (*оу, я прям воспрял духом и прочими эмоциями, победитель по жизни, альфа самец и все такое; король артур*); противоречивое отношение к противоположному полу, создание романтического ореола вокруг собственной личности за счет акцентирования своей экстраординарности и экстремальности (*просто мозги не парьте парням, вот мой совет; йа одинокий бродяга любви казанова; головой пробил стекло, взял удар на себя*).

Состав устойчивых выражений разнообразен с точки зрения происхождения. Например, встречены цитаты из русской классики (*человек смертен, причем внезапно; ты че как живешь, подруга дней моих суровых?*), но преобладают контек-

сты из произведений массовой культуры, например, популярных песен (*ахаха, оппагангнамстайл; доброе утро, последний герой*). Большое количество как книжной, в том числе научной, так и в большинстве своем разговорной и жаргонно-просторечной идиоматики (примеры см. выше) создает эффект яркого стилистического контраста, причем зачастую на уровне микроконтекста или даже внутрисловного: *пьянки, драки и сублимирование; я по секрету скажу с прошлого лета никого не пенетрировал*.

Что касается синтаксиса, то закономерно, что автор предпочитает структуры, выражающие в широком смысле противительные отношения, когда вторая часть конструкции отрицает то, о чем говорилось в первой, или противоречит этому: *скажем из всех насекомых эти /пауки/ мне наиболее неприятны хотя членистоногие это не насекомые; я кстати как машину разбил, в бензовоз врезался да, машине конец пришел, а бензовоз даже не загорелся ага. не зря камикадзе на плече) или зря; уже год и 2 месяца у меня не было девушки. не считая шлюхи за деньги в ноябре*. Имеются и собственно антитезы, а также противительные компаративы, дополненные в большинстве случаев антонимичными противопоставлениями или отрицательными местоимениями, вообще количество отрицаний явно выше среднего: *ну а какую тачку я могу еще продать ё моё, у меня не автопарк); я конечно не богат, но и не урод); да после всего хорошего становится хуже; Д.: чет ты то у дилера живешь, то в гараже а зимой где? А.: а зимой под снегом впадаю в спячку. так что жизнь у меня только летом; а я вообще кроме 11 классов ничего не закончил, был в политехе, в шараге, и нигде нет диплома*.

Несмотря на ясно осознаваемую и неоднократно акцентируемую собственную маргинальность и социальную депривацию, информант положительно оценивает свои способности к владению языком, считая себя талантливым сочинителем, что отчасти, как мы показали выше, соответствует действительности: *я умею словами говорить, ты как филолог тоже, я хоть и химик, а после химии у меня открылись филологические таланты*; фиксирует нарушение языковой нормы и демонстративно критикует других: *с точки зрения наблюдателя есть пошлость а есть вульгарность, зпт специально пропустил перед «А»*; *Нет, отношений вот он и страдает. надо писать «нет отношений, вот он и страдает»*; *Хоть кто-то за грамматикой следит*; демонстрирует знание лингвистической терминологии: *я бы тебя на мотоцикле прокатил. да не, я перед другими ответственность чувствую. Д.: а за других? А.: ну это вроде бы синонимы*.

Подведем итоги. Рассмотрение различных лингводискурсивных проявлений амбивалентности и демонстративности как доминантных черт личности суицидента позволяет обобщить основные характеристики образа мыслей и внутреннего мира автора.

Интенциональный анализ обнаружил свойственный данной языковой личности сложный комплекс противоречивых эмоций и чувств, оценок и смысложизненных установок: одновременное существование положительного и отрицательного отношения к разным объектам, в том числе к себе, ярко выраженное стремление оценивать, быть на виду, шокировать окружающих экстремальными занятиями, осознание своих творческих способностей, в том числе сочинительских, и желание признания этих способностей, категоричность в оценках, презрение к чужому мнению и зависимость от него, нежелание жить и желание быть здоровым, цинизм по отношению к девушкам и желание общаться с ними, бравирование пьянством и наркоманией, осознание их губительности и надежда на некие обстоятельства, которые помогут избавиться от них.

Образные средства наиболее полно отражают внутренний мир человека. Для данной языковой личности это душевное состояние смятения, переворота, опустошения, тотального отчаяния, неприятия себя, окружающих и мира, ощущение трагичности и бессмысленности бытия.

На лингводискурсивном уровне это выражается в сопряжении контрадикторных когнитивных и коммуникативных интенций, использовании лексики и идиоматики социальной деградации, обилии семантических и стилистических контрастов, афористичности и каламбуристичности манеры письма, языковых экспериментах и играх.

Список литературы

- Головин С. Ю. Словарь практического психолога. Минск: Харвест, 1998. 660 с.
- Бардникова И. В., Толькова К. А. Концептосфера девиантной языковой личности: лексическая экспликация // Вестник Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2017. № 2. С. 46–49.
- Башкова И. В. Теоретические основания русской семантической лингвоперсонологии: объект и метод: Дис. ... д-ра филол. наук. Красноярск, 2018. 494 с.
- Волкова Т. Ф., Демидова Т. А., Гриценко Л. М. Особенности самопрезентации языковой личности с суицидальным поведением // Казанская наука. 2019. № 6. С. 36–40.
- Давидовский С. В. Образ суицидента в общественном сознании // Медицинские новости. 2019. № 8. С. 4–7.
- Дмитриева Н. В., Короленко Ц. П., Левина Л. В. Психологические особенности суицидальных подростков // Вестник Кемеров. гос. ун-та. 2015. Т. 1, № 1. С. 127–134.
- Иванцова Е. В. Феномен диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 312 с.
- Клушина Н. И. Интенциональные категории публицистического текста: Автореф. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 57 с.
- Клушина Н. И. Интенциональный метод в современной лингвистической парадигме // Медиаскоп. 2012. № 4. URL: <http://www.mediascope.ru/issues/402> (дата обращения 11.05.2021).
- Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В. Личностные расстройства. СПб.: Питер, 2010. 305 с.
- Котова Н. С. Личностная амбивалентность и система характеристик дискурса // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 4. С. 117–120.
- Литвинова Т. А. Диагностирование склонности к суицидальному поведению на основе анализа ее речевой продукции: методы и подходы // Вестник Марийского гос. ун-та. 2016. № 2 (22). С. 57–61.
- Мальшиева С. Ю. «Лучше, когда это решено для всех»: индивидуальное и социальное в осмыслении смерти в записках Л. Я. Гинзбург 1920–1940-х гг. // Уральский исторический вестник. 2020. № 4. С. 127–135.
- Меркулова А. С. Лексико-семантические группы жаргонной лексики наркозависимых и грамматические особенности их речи // Вестник Том. гос. ун-та. 2006. Вып. 2. С. 257–261.
- Новикова А. П. Русскоязычные интернет-тексты суицидальной тематики: система речевых жанров и параметры языкового воздействия: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2009. 25 с.

Черняк В. Д. наброски к портрету маргинальной языковой личности // Русский текст. 1994. № 2. С. 115–130.

Черняк В. Д. Речевой портрет носителя просторечия // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 497–515.

References

Golovin S. Yu. *Slovar' prakticheskogo psikhologa* [The dictionary of a practical psychologist]. Minsk, Harvest, 1998, 660 p.

Bardnikova I. V., Tol'kova K. A. Kontseptosfera deviantnoy yazykovoy lichnosti: leksicheskaya eksplikatsiya [Conceptosphere of deviant language personality: lexical explication]. *Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research*. 2017, no. 2, pp. 46–49.

Bashkova I. V. *Teoreticheskie osnovaniya russkoy semanticheskoy lingvopersonologii* [Theoretical foundations of the Russian semantic linguopersonology: object and method]. Cand. philol. sci. diss. Krasnoyarsk, 2018, 494 p.

Chernyak V. D. Nabroski k portretu marginal'noy yazykovoy lichnosti [Sketches to the portrait of a marginal linguistic personality]. *Russkiy tekst*. 1994, no. 2, pp. 115–130.

Chernyak V. D. Rечевой портрет носителя просторечия [The Speech Portrait of a Common Sense Speaker]. In: *Sovremennyy russkiy yazyk: Sotsial'naya i funktsional'naya differentsiatsiya* [Modern Russian language: Social and functional differentiation]. Moscow, LRC Publishing House, 2003, pp. 497–515.

Davidovskiy S. V. Obraz suitsidenta v obshchestvennom soznanii [The image of a suicidal person in the public consciousness]. *Meditsinskie novosti*. 2019, no. 8, pp. 4–7.

Dmitrieva N. V., Korolenko Ts. P., Levina L. V. Psikhologicheskie osobennosti suitsidal'nykh podrostkov [Psychological features of suicidal adolescents]. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2015, vol. 1, no. 1, pp. 127–134.

Ivantsova E. V. *Fenomen dialektnoy yazykovoy lichnosti* [Phenomenon of dialectal linguistic personality]. Tomsk, TSU Publ. House, 2002, 312 p.

Klushina N. I. *Intentsional'nye kategorii publitsisticheskogo teksta* [The Intentional categories of the publicist text]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Moscow, 2008, 57 p.

Klushina N. I. Intentsional'nyy metod v sovremennoy lingvisticheskoy paradigme [The Intentional Method in the Modern Linguistic Paradigm]. *Mediascope*. 2012, no. 4. URL: <http://www.mediascope.ru/issues/402> (accessed: 11.05.2021).

Korolenko Ts. P., Dmitrieva N. V. *Lichnostnye rasstroystva* [Personality disorders]. St. Petersburg, Piter, 2010, 305 p.

Kotova N. S. Lichnostnaya ambivalentnost' i sistema kharakteristik diskursa [Personality ambivalence in the system of discourse characteristics]. *Cultural Studies of Russian South*. 2008, no. 4, pp. 117–120.

Litvinova T. A. Diagnostirovanie sklonnosti k suitsidal'nomu povedeniyu na osnove analiza ee rechevoy produktsii: metody i podkhody [Diagnosing the propensity for suicidal behavior based on the analysis of its speech production: methods and approaches]. *Vestnik Mari State University*. 2016, no. (22), pp. 57–61.

Malysheva S. Yu. "Luchshe, kogda eto reshenno dlya vseh": individual'noe i sotsial'noe v osmyslenii smerti v zapiskakh L. Ya. Ginzburg 1920–1940-kh gg. "It is better when it is decided for all": individual and social in the comprehension of death in the

notes of L. Y. Ginzburg 1920–1940-ies]. *Ural Historical Journal*. 2020, no. 4, pp. 127–135.

Merkulova A. S. Leksiko-semanticheskie gruppy zhargonnoy leksiki narkozavisi-mykh i grammaticheskie osobennosti ikh rechi [Lexical-semantic groups of jargon vocabulary of drug addicts and grammatical features of their speech]. *Tomsk State University Journal*. 2006, no. 2, pp. 257–261.

Novikova A. P. *Russkoyazychnye internet-teksty suitsidal'noy tematiki: sistema rechevykh zhanrov i parametry yazykovogo vozdeystviya* [Russian-language Internet texts of suicidal themes: the system of speech genres and parameters of linguistic influence]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Krasnoyarsk, 2009, 25 p.

Volkova T. F., Demidova T. A., Gritsenko L. M. Osobennosti samoprezentatsii yazykovoy lichnosti s suitsidal'nym povedeniem [Peculiarities of self-presentation of linguistic personality with suicidal behavior]. *Kazan Science*. 2019, no. 6, pp. 36–40.

Информация об авторах

Татьяна Федоровна Волкова, кандидат филологических наук

Ольга Вячеславовна Орлова, доктор филологических наук, доцент

Information about the authors

Tatyana F. Volkova, Candidate of Philology

Olga V. Orlova, Doctor of Philology, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 06.07.2021;

одобрена после рецензирования 25.08.2021; принята к публикации 25.08.2021

The article was submitted 06.07.2021;

approved after reviewing 25.08.2021; accepted for publication 25.08.2021